

В.И. МОСКОВЕЦ

канд. соц. наук

Национальный университет внутренних дел

УДК 316.28

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПОНЯТИЯ

Выполнен анализ истоков и развития понятия «социальная технология» в социологии; прослежен генезис социальных технологий, их трансформации в социологических парадигмах классиков социологии (М. Вебер, Б. Скиннер). Изучены принципы конструирования социальных технологий и их значение для современной социологии.

Происходящие в украинском обществе и в мире социальные изменения влекут за собой не только перемены в ключевых институтах общества, но и изменение всего социального пространства, в котором эти институты функционируют.

Среди выделяемых признаков протекающих изменений одно из главных мест занимает «технологизация» социальных процессов, которая не только упоминается в связи с социальными процессами и объектами, но и стала их составной частью.

В связи с этим, используемый ранее исключительно в естественных науках (для описания преобразовательных процессов в химии, физике) термин «технология» все чаще стал упоминаться в связи с преобразованиями социальной реальности. В то же время, сегодня знания о предметах, объектах, задачах и возможностях социальной технологии находятся в крайне затруднительном положении, что связано с тем, что некоторые общественные деятели, ученые и руководителей признают и осознанно используют социальную технологию, а другие - отрицают ее ценность и не учитывают познавательных возможностей и практического применения. В первую очередь, это связано с тем, что к социальным технологиям относятся как к какому-то не проверенному новшеству, что в принципе не верно.

На наш взгляд, фундаментом понимания генезиса понятия «социальная технология» можно считать работы классика социологии М. Вебера. Конечно, первые признаки технологизации социальных процессов можно найти еще в работах Макиавелли, однако его работы носят не столь научно обоснованный характер [1]. Рассматривая любое социальное действие сквозь призму рациональности, М. Вебер предлагал определять его несколькими способами.

1. Целерационально, то есть, через ожидание определенного рода поведения предметов внешнего мира и других людей, и при использовании этого ожидания как «условия» или как «средства» для рационально направленных и регулируемых целей (критерием рациональности является успех);

2. Ценностно-рационально, то есть, через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или иначе понимаемую безусловную собственную ценность (самоценность) определенного поведения, взятого просто как таковое и независимо от успеха;

3. Аффективно, особенно эмоционально - через актуальные аффекты и чувства;

4. Традиционно, то есть, через привычку [2].

М. Вебер был убежден, что ключевой тенденцией развития общества и его институтов является процесс рационализации социального действия. В связи с этим он отмечал постоянный рост значения целерационального действия в управлении обществом. В целом, это определяет рационализацию способов управления, причем как в области экономики, так и в области политики, науки, культуры - во всех сферах социальной жизни. Образ мышления людей также рационализируется, как и образ их жизни, в целом, что связано со значением науки в управлении социальными процессами. По М. Веберу, именно в науке полностью находит свое воплощение принцип рациональности. Таким образом, проникновение науки во все сферы жизни является проявлением универсальной рационализации современного общества.

Согласно Веберу, рационализация сферы управления происходит по нескольким направлениям, среди которых выделяются два: освобождение деятеля от эмоций и предубеждений, что позволяет ему

действовать только с пользой для дела, и создание универсальных, воспроизводимых механизмов действий. М. Вебер вообще предлагал рассматривать систему управления как «машину», имея в виду «машину человеческую», у которой нет никакого интереса, кроме «интереса дела» [2]. Соответственно, как и любая другая машина, машина управления нуждается в программе, которую сама она не имеет, будучи структурой формально-рациональной. Поэтому программа должна разрабатываться в зависимости от целей, задач и условий деятельности. Таким образом, основы технологичности системы управления лежат еще в работах Вебера, причем в качестве технологии можно рассматривать и структуру формально-рационального управления, и программу ее действий.

Идеи М. Вебера о рациональности управленческого процесса в бюрократии приобрели популярность, и это, в свою очередь, оказало влияние на развитие социологии. Одним из таких исследователей, например, являлся Фрейер, который рассматривал государство как выражение всеобщей воли народа [3]. Преобразование социально-экономических структур он связывал, в первую очередь, с изменениями в области науки и техники, способствующими превращению буржуазного общества в индустриальное. Соответственно, индустриальная культура, по его мнению, представляет собой «экспансию европейской рациональности в область всех жизненных форм» современного человека, что позволяет эффективно использовать существующий опыт для преобразования реальности [3].

Однако ключевую роль в развитии понимания технологии как способа преобразования социального пространства, сыграло развитие бихевиоризма и, в частности, идей Б. Скиннера. Пытаясь разрешить проблемы современного общества, он обращался к приемам, которые, как он считал, лучше всего освоены человечеством. По его мнению, мощной трансформирующей социальные и психологические процессы силой являются наука и технология.

Проводимый Б. Скиннером анализ общечеловеческих проблем (таких, как развал образовательной системы, бунт молодежи) показал, что для их разрешения значительно более распространенные физические и биологические технологии абсолютно не подходят, в силу чего и не используются. Таким образом, Скиннер одним из первых в науке поставил вопрос о создании и применении социальных технологий, которые могли бы осуществить крупномасштабные изменения человеческого поведения [4].

Рассматривая процесс конструирования социальной технологии, Б. Скиннер отметил, что недостаточно использовать технологию с более глубоким пониманием человеческих проблем, или подчинить

технологии духовным нуждам человека. Это предполагает, что человеческое поведение и технология не составляют одно и то же, то есть «где начинается поведение, кончается технология». Идеи Скиннера состоят в том, чтобы технологизировать само поведение человека. Примерно такой механизм существует в обыденном поведении, когда в обычное поведение человека добавляется то, чему он учится из личного опыта или «выжимки опыта, заключенные в народной мудрости и немудреных практических правилах поведения».

Рассматривая необходимость создания социальной технологии, Скиннер указывал, что ее задачами могли бы стать как регуляция социального поведения человека, так и, например, демографических процессов. Однако он отдавал себе отчет в том, что поведенческой технологии, сопоставимой по мощи и точности с физической и биологической, не существует. Более того, предположение о самой возможности такой всеохватывающей технологии невозможно, так как она должна была бы носить тоталитарный и ужасающий характер.

В ходе осознания необходимости создания социальных технологий, Б. Скиннер понимал всю ограниченность возможностей внесения изменений или попыток коррекции социальной действительности и поведения человека. Он связывал это с ее неоднозначностью и изменчивостью, практически бесконечными адаптивными возможностями индивидов к меняющимся условиям. В то же время, нельзя оставлять неиспользованными возможности, которые предоставляет способность влияния целей, мотивов, планов, решений, теорий, напряжений и ценностей отдельного человека или группы людей на осуществление материальных изменений в материальном мире.

Не разработанность в науке возможности создания технологий в социальной сфере, по сравнению с развитием технологий в естественных науках, обусловлено тем, что в политологии и экономике поведение обычно рассматривалось в качестве материала, из которого выводились установки, намерения, потребности и т.д. В то же время, создание технологии предполагает наличие обратной зависимости, когда идет воздействие на установки, намерения, потребности как нечто первичное, чем поведение человека.

Для Б. Скиннера, таким образом, проблема создания и эффективности социальной технологии превращается в проблему эффективности воздействия социального окружения на индивида. Обычно как социальные, так и естественные науки изучали результаты воздействия организмов на окружающий их мир. Однако конструирование и внедрение социальных технологий выдвигает на первое место проблему иного рода - степень, в которой будет сконст-

руировано поведение отдельного человека и в какой степени оно будет контролируемо. Самостоятельный человек предположительно контролирует себя сам, в соответствии с определенным собственным набором ценностей. Введение же социальных технологий, соответственно, вызывает контроль поведения отдельного человека со стороны кого-то, кто является творцом или реализует технологию.

В связи с этим, актуальным является вопрос разработки принципов разработки и внедрения социальных технологий, которые должны, таким образом, обеспечивать не только эффективность технологии, но и соблюдение прав человека как одного из объектов технологии, его целостности, убеждений и др. Так, современные разработчики социальных технологий выделяют следующие принципы их конструирования:

- принцип научного обоснования нормативной модели решения, предполагающий опору на знание об оптимальном состоянии управляемого объекта;

- принцип социальной целесообразности и целеобусловленности, предполагающий соответствие ожидаемых эффектов нормативным целям общественного развития, обеспечение оптимального сочетания управленческого воздействия с механизмом саморегуляции управляемого объекта;

- принцип социально-воспроизводственной ценности и соразмерности проектируемых перемен человеку (его физиологической, психологической и социальной природе);

- принцип «критического порога» модификации, предполагающий учет меры управляемости (корректируемости) процессов и социально значимых следствий такой модификации;

- принцип комплексности и условной равнозначности всех направлений взаимодействия человека с его природным, культурным и социальным окружением;

- принцип реалистичности и реализуемости, предполагающий опору на действительные, поддающиеся учету (путем расчетов или качественных оценок) ресурсы, и на наличие организационных форм для экспериментальной проверки и внедрения наиболее эффективного в социальном, социально-психологическом отношении варианта имеющихся проектных решений [5].

Упомянутые нами исследователи предполагали, что указанные принципы должны учитываться в проблемно-целевых социальных проектах вне зависимости от того, относятся ли они к весьма отдаленному будущему или отвечают актуальной общест-

венной потребности, формулируемой в виде конкретного социального заказа, затрагивают ли они макро-, или микро социальные процессы. Они же достаточно утопично полагали, что «со временем войдут в норму заказы от проектных организаций на прогнозные социальные проекты, так как проектирование реконструкций и новшеств, преобразующих не только «среду обитания», но и саму личность человека, уже на стадии формулирования любого (социального или нет) проектного задания должно быть обеспечено не только технико-экономическое, но, прежде всего, социологическое». К сожалению, с тех пор мало что изменилось, и проектам в социальной сфере уделяют немногим больше внимания, оставляя в стороне ресурсы, так называемого «человеческого фактора».

Но социальные технологии сегодня вступают в этап институционализации - уже разрабатывается теоретическое и методологическое основание для их конструирования, возникают институты и кафедры социальных технологий в ВУЗах. В значительной степени это обусловлено тем, что в современном мире ключевым требованием к научно-практическим разработкам является именно инструментальность и практическая эффективность деятельности. Фундаментальность и излишняя теоретичность советской социологии в свое время не соответствовала названным требованиям, что в значительной степени и обусловило ее постепенный упадок. Появление такого понятия и сферы исследования, как «социальная технология», фактически является реакцией адаптации отечественной социологии к меняющемуся обществу и позволяет ей занять свое место в управленческих процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макиавелли, Николло Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. - М.: Мысль, 1999. -639 с
2. Вебер М. Избранные произведения: -М.: Прогресс, 1990. -805 с.
3. Громов И., Мацкевич А., Семенов В. Западная социология. - СПб., 1997. -371 с.
4. Американская социологическая мысль: Тексты. -М.: Изд-во МГУ, 1994. -496 с.
5. Прогнозное социальное проектирование: Методологические и методические проблемы. -М.: Наука, 1989. -256 с.

Поступила в редколлегию 11.03.2003

МОСКОВЕЦЬ В.І. СОЦІАЛЬНІ ТЕХНОЛОГІЇ: ТЕОРЕТИЧНІ ДЖЕРЕЛА ПОНЯТТЯ

Виконаний аналіз джерел і розвитку поняття «соціальна технологія» у соціології; простежений генезис соціальних технологій, їхньої трансформації в соціологічних парадигмах класиків соціології (М. Вебер, Б. Скіннер). Вивчено принципи конструювання соціальних технологій і їхнє значення для сучасної соціології.

***

MOSKOVETS V I SOCIAL TECHNOLOGIES: IDEALIZED SOURCES OF CONCEPT

The analysis of sources and development of concept "social technologies" in sociology is executed; the genesis of social technologies, their transformation in sociological paradigm of scientists of sociology (m is traced. The Weber., Skeener). The principles of designing of social technologies and their value for modern sociology are studied.

УДК 316.354:343.221

*В.О. СОБОЛЄВ, докт. соц. наук, проф.,
О.Н. ЯРМИШ, докт. юрид. наук, проф.*

Національний університет внутрішніх справ

ОРГАНІЗОВАНІ ЗЛОЧИННІ ГРУПИ: МОЖЛИВОСТІ СОЦІОЛОГІЧНОГО ВИМІРУ

Розглянуті результати проведених у 1994-2000 роках соціологічних досліджень організованих злочинних груп в Україні.

Кримінальна ситуація в Україні в останні роки характеризується наявністю вкрай негативної і дуже стійкої тенденції в зміні структури злочинності, пов'язаної із посиленням її організованості. Індивідуальна злочинність стрімко поступається місцем груповій злочинності, а групова, у свою чергу, швидко переростає в організовану злочинну діяльність. Так, якщо в 1991 році, за даними МВС України, було виявлено 260 організованих злочинних груп, то в 1999 році - уже 1165, тобто їхня кількість зросла в 4,5 рази. У 2001 році було виявлено 770 організованих злочинних груп (ОЗГ), членами яких були вчинені 6703 злочини. Спостерігається зростання числа учасників ОЗГ, збільшується питома вага убивств, розбоїв і, в цілому - особливо тяжких злочинів, які чиняться цими групами. От чому проблема боротьби з організованою злочинністю в Україні є надзвичайно актуальною, тому сьогодні для ліквідації цього соціального зла залучені значні сили і засоби правоохоронних органів. Проте результати цієї боротьби не можуть поки задовольнити ані державу, ані широку громадськість.

Пошуки шляхів підвищення ефективності боротьби з організованою злочинністю ведуться в різних напрямках. Один із них - наукова розробка проблеми з врахуванням вирослого за останні роки інтересу учених. У той же час, по мірі заглиблення в процес вивчення організованої злочинної діяльності, виявляються окремі аспекти цієї проблеми, які вкрай важко піддаються дослідженню. До однієї з них можна віднести норми і стандарти поведінки організованих злочинних груп.

Складність даної проблеми, на наш погляд, визначається двома обставинами. З одного боку, предметом дослідження виступають різномірні за своєю

суттю речі. Можна говорити про певну кількість норм і стандартів поведінки, у складі якої "зовнішні" і "внутрішні" регулятори. Також варто розмежовувати стандарти (1) поведінки особистості в групі, (2) поведінки групи стосовно її членів, (3) поведінки групи стосовно зовнішнього середовища (наприклад, жертви злочину, органів правопорядку, службовців держапарату і т.п.). Норми і стандарти прослідковуються й у діахронній структурі злочинної поведінки: (1) у період підготовки, (2) вчинення злочину, (3) під час затримки, попереднього слідства, судового розгляду, (4) у місцях позбавлення волі і т.п.

З іншого боку, норми і стандарти поведінки ОЗГ важко піддаються вивченню, оскільки вони носять латентний характер. На це звертають увагу більшість відомих кримінологів, психологів і соціологів, які займаються дослідженням організованої злочинної діяльності. Повною мірою цю обставину відчули на собі й автори цієї роботи.

Вивчення вимог ОЗГ стосовно її членів або норм і стандартів поведінки щодо жертви злочину чи правоохоронних органів - дуже специфічний предмет дослідження, який не є однаковою мірою актуальним для різних наукових дисциплін. Так, фахівець із кримінального права розглядає ОЗГ, насамперед, із погляду інституту співучасті, його цікавить усталеність групи (тобто частота, кількість вчинених злочинів, вага вчиненого злочину кожним із учасників) як необхідний елемент юридичної кваліфікації. Психолог вивчає психологічний тип члена ОЗГ, мотиви входження індивіда до злочинної групи, проблему ідентифікації з групою, психологічний механізм взаємодії в групі, згуртованість групи і т.п. Для соціолога організована злочинна група це є *цільове*